



ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

В. А. Куманев. Революция и просвещение масс. М., 1973, 334 стр.

После Великой Октябрьской социалистической революции в культуре всех народов Советского Союза произошли глубокие прогрессивные изменения. Одним из факторов, оказавших влияние на этот процесс, явились просвещение, распространение грамотности среди многомиллионной массы людей. Этим в значительной мере определяется внимание этнографов к ликвидации неграмотности. Становление системы просвещения в масштабах всей страны, исторический опыт Советского государства, сумевшего после победы социалистической революции в сложных условиях в кратчайший срок ликвидировать вековую культурную отсталость и превратиться в страну сплошной грамотности и передовой культуры, исследован все еще недостаточно. Капитальная монография В. А. Куманева «Революция и просвещение масс» — существенный вклад в исследование этой большой и важной проблемы, интересующей широкую научную общественность.

Автор поставил перед собой трудную, но плодотворную задачу — раскрыть закономерности процесса борьбы за распространение первоначальных знаний среди взрослого населения СССР, осветить связи этого процесса с общими экономическими и политическими преобразованиями в стране.

Исследование проблемы потребовало от автора привлечения огромного круга разнообразных источников: трудов В. И. Ленина, решений партийных съездов, конференций, пленумов, постановлений ЦК КПСС, съездов Советов, материалов Народного комиссариата просвещения, литературного наследства выдающихся соратников В. И. Ленина в борьбе за просвещение масс — Н. К. Крупской, М. И. Калинина, А. В. Луначарского, А. С. Бубнова, свидетельств непосредственных руководителей и участников движения за преодоление культурной отсталости, документальных материалов Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по ликвидации безграмотности, материалов Профсоюза работников просвещения и других учреждений, а также значительной литературы, посвященной истории распространения грамотности в нашей стране.

Монография В. А. Куманева охватывает весь период ликвидации неграмотности и массового приобщения взрослого населения к просвещению. Хронологические рамки ее — от Великой Октябрьской социалистической революции до начала 40-х годов. Процесс обучения взрослых в соответствии с фактическим материалом расчленен в работе на ряд периодов: 1917—1920 гг. — начало массового просвещения трудящихся; 1920—1927 гг. — борьба государства и общественности за распространение начальных знаний, за народную грамотность в условиях нэпа и в начале индустриализации; 1927—1932 гг. — борьба за ликвидацию неграмотности в условиях введения всеобщего; 1932—1941 гг. — подъем массового просвещения, укрепление связи обучения трудящихся с производством и политическим воспитанием, достижение всенародной грамотности.

Чтобы полнее представить картину духовной жизни народов СССР в изучаемую эпоху, автор предпослал основным главам вводную — «Состояние просвещения в дореволюционной России». В отличие от своих предшественников, ограничивавшихся лишь статистическими данными о плачевном состоянии народного просвещения при царизме, А. В. Куманев дал широкую обобщенную картину состояния образования в стране в конце XIX — начале XX в. В главе приведен убедительный материал о крайне низком уровне культуры и грамотности, в особенности неграмотности населения, о различии в образовании отдельных социальных групп и взаимосвязи фактора грамотности с уровнем экономики. Заслуживают внимания данные о борьбе, развернувшейся в конце XIX — начале XX в. вокруг вопроса о всеобщем образовании.

Большой интерес представляет приведенный В. А. Куманевым материал о первых мероприятиях Советской власти по организации системы народного просвещения, борьбе за учительские кадры. Автор подробно остановился на мало известной широкому кругу читателей истории подготовки и реализации ленинского декрета «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», успешной борьбе с неграмотностью в первые годы Советской власти в Красной Армии. Обзор движения за всеобщую грамотность в 1917—1920 гг. привел автора к важному выводу о том, что в этот период были достигну-

ты, несмотря на все трудности, значительные успехи в просвещении масс, выработались определенные формы и методы обучения взрослых.

Особой спецификой отличалась борьба за ликвидацию культурной отсталости в годы нэпа. Как известно, применительно к этому времени В. И. Ленин назвал неграмотность одним из трех главных врагов советских людей. В книге подчеркивается то внимание, которое уделял В. И. Ленин проблеме ликвидации неграмотности. Огромное влияние на дальнейшее развертывание культурного строительства, часто недооценивавшегося на местах, как показано в работе, имели ленинские статьи начала 20-х годов. А. В. Куманев, несомненно, прав, указав, что при исследовании ленинского плана социалистического строительства в нашей стране часто недостаточное внимание уделяется подъему культурного уровня трудящихся. Характеризуя борьбу с неграмотностью в 1920—1927 гг., автор обобщил данные, рисующие не только политические, но и финансовые, административные и организационные аспекты этой проблемы.

Рассказывая о ходе ликвидации неграмотности в период реализации первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, автор подробно осветил выдающееся значение Всесоюзного культпохода за всеобщую грамотность. На ускорение процесса распространения грамотности среди взрослых оказало воздействие введение всеобщего обязательного начального обучения детей и огромное школьное строительство.

В 1928—1932 гг. в стране было обучено около 29 млн. неграмотных. В середине 1930-х годов, как убедительно показал автор, на первый план выдвинулась уже проблема преодоления малограмотности, хотя Советский Союз еще не стал страной сплошной грамотности. К 1940 г. грамотность взрослых достигла 90%. За 20 лет, с 1920 по 1940 г., в стране было обучено 60 млн. человек.

В книге подчеркнута сложность процесса преодоления неграмотности. Процесс обучения грамоте взрослых имел периоды подъема и спада.

Интересно и ярко раскрыта в книге проблема распространения грамотности в различных этнокультурных регионах Советского Союза. Тщательный научный анализ материалов позволил автору впервые в историко-этнографической литературе широко осветить особенности этого процесса на Украине, в Белоруссии, Поволжье, Сибири, на Кавказе и в Средней Азии. Например, в 1918 г. отдельные пункты ликбеза возникли в Ташкенте (так называемые дор-ульфун). В 1919 г. школы ликвидации неграмотности были открыты в Казахстане. В них преподавали представители местной интеллигенции.

После окончания гражданской войны широким фронтом развернулась борьба с неграмотностью. Так, на Украине в 1921 г. был принят специальный декрет о ликвидации неграмотности; на нужды просвещения вводился единовременный налог с буржуазии; в Киргизии в этот период особым распоряжением грамотные были мобилизованы на ликвидацию неграмотности; в Туркестане была создана Чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности. Для обучения кочевого населения грамоте организовывались передвижные ликбезы.

Значительную работу в республиках провели общества «Долой неграмотность», возглавлявшиеся видными государственными деятелями. Партийные организации союзных и автономных республик возглавили культпоход за всеобщую грамотность.

Огромную помощь национальным районам оказали в порядке культурного шефства трудящиеся больших городов и крупных индустриальных центров. Москва взяла шефство над Узбекистаном, Таджикистаном, Мордовией, ленинградцы — над Буртией. В национальные республики шефы направляли тысячи культбригад. Культармейцы не только обучали грамоте и вели массовую разъяснительную работу, но в ряде случаев героически боролись с кулацкими бандами.

Обобщенный в книге материал убедительно свидетельствует об активном участии трудящихся всей страны в ликвидации культурной отсталости населения национальных окраин.

Обстоятельно рассмотрены в монографии в связи с борьбой за всеобщую грамотность проблемы языкового строительства — реформа существовавших письменностей и создание новых письменностей для ряда бесписьменных народов Северного Кавказа и Сибири.

Приведенные В. А. Куманевым данные свидетельствуют о положительном значении (в 1920—1930 гг.) замены арабского алфавита латинским и разработке для бесписьменных народов письменности на базе латинского алфавита. Однако в середине 1930-х годов уже стала чувствоваться негативная сторона латинизации. Неотложная потребность в изучении русского языка — языка межнационального общения — вызвала массовые предложения с мест от самих представителей ранее бесписьменных народов о замене латинских алфавитов русской графической основой. Эти пожелания были изучены и приняты. В 1936 г. начался перевод письменностей народов Севера и Востока на русский алфавит, что способствовало дальнейшему подъему культуры народов Советского Союза.

В книге отмечены и ошибки, допускавшиеся в национальных районах в ходе ликвидации неграмотности. В Туркмени и Татарии, например, в принудительном порядке население привлекалось к обучению грамоте. Встречались и специфические трудности: в ряде национальных окраин страны население находилось на таком низком уровне развития, что не понимало значения обучения. Здесь требовалась особая разъяснительная работа.

Традиционные представления о нормах поведения взрослых и тем более пожилых людей нередко мешали вовлечению неграмотных в школы ликбеза. Автору настоящей

рецензии в 1940-х годах пришлось столкнуться в Якутии с тем, что обремененные семей женщины уклонялись от обучения, так как стеснялись и опасались уподобиться молодежи. В связи с этим в ряде случаев организовывалось индивидуальное обучение.

Несмотря на все трудности, к 1940 г. все союзные и многие автономные республики практически достигли всеобщей грамотности взрослого трудоспособного населения.

В целом книга В. А. Куманева дает возможность на основе документальных данных оценить достижения народов Советского Союза в борьбе за сплошную грамотность и всеобщее образование. Вместе с тем отдельные стороны большой проблемы, рассмотренной в книге «Революция и просвещение масс», нуждаются в дальнейшей разработке. Такова, например, роль печати на языках младописьменных народов в преодолении отсталости и ликвидации неграмотности. Несколько схематично представлен в работе ход борьбы за ликвидацию малограмотности. Может быть, следовало полнее осветить особенности борьбы за просвещение в районах Крайнего Севера. Однако все это темы требуют дальнейших специальных работ.

Советский опыт организации системы массового просвещения, борьбы за ликвидацию неграмотности и овладение знаниями в современную эпоху приобретает особую ценность. В последние годы число неграмотных в мире растет. Массовая неграмотность — национальное бедствие многих развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. Книга А. В. Куманева, рассказывающая об успехах, достигнутых Советским Союзом в области массового образования, в этой связи имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

И. С. Гурвич

M. Sahlin s. Stone Age economics. Chicago and New York, 1972, 348 p.

Одной из самых интенсивно развивающихся отраслей зарубежной этнографической науки является в настоящее время «экономическая антропология». Этим термином в зарубежной литературе принято обозначать научную дисциплину, которая исследует экономические отношения первобытного, протоклассового (т. е. формирующегося классового), а также «крестьянского» (peasant) обществ¹. Но огромный фактический материал о первобытных социально-экономических отношениях, накопленный к настоящему времени, в теоретическом отношении остается во многом неразработанным. Если можно назвать десятки монографий, в которых детальнейшим образом описываются экономические отношения у тех или иных народов, находящихся на стадии первобытного или протоклассового общества, то работы обобщающего характера представляют в этой области редкое явление. Причем и они чаще всего оказываются простой сводкой материала. В качестве примера можно указать хотя бы на «Экономическую антропологию» М. Херсковица². Теоретические проблемы обычно рассматриваются в статьях, носящих самый общий характер.

Поэтому не может не привлечь внимания недавно увидевший свет труд прогрессивного американского этнографа М. Салинса «Экономика каменного века». Автор хорошо знаком с работами К. Маркса и по некоторым вопросам приходит к выводам, близким к марксистским, что делает его труд особо интересным для советского читателя.

Последние 12—15 лет экономическая антропология была ареной ожесточенной борьбы двух основных направлений, одно из которых получило название «субстантивизма», а другое — «формализма»³. М. Салинс в работе выступает как убежденный сторонник субстантивистского подхода к первобытной экономике. Он подвергает резкой критике формалистский подход, сущность которого он видит во взгляде на первобытную экономику как на недоразвитый вариант капиталистической (стр. XI—XII). Рассматривая формально-экономическую теорию как буржуазную по своей природе, М. Салинс конфликт между ней и субстантивизмом характеризует как конфронтацию двух идеологий (стр. XIII—XIV).

Из шести глав, составляющих книгу М. Салинса, четыре (I, IV, V, VI) уже были ранее опубликованы в качестве самостоятельных работ. И хотя при подготовке данного издания некоторые из них (главы I и VI) были доработаны, книга не представляет собой целостного исследования. Это по существу сборник очерков, объединенных общностью тематики.

В первой главе, озаглавленной «Первобытное общество изобилия» (The original affluent society), автор вслед за Э. Сервисом⁴ бросает вызов глубоко укоренившемуся представлению об охотниках и собирателях как о людях, задавленных непосильной

¹ Об истории и современном состоянии этой дисциплины см.: Ю. И. Семенов, «Теоретические проблемы «экономической антропологии», «Этнологические исследования за рубежом», М., 1973, стр. 30—76.

² M. J. Herscovits, *Economic anthropology*, N. Y., 1952.

³ Подробнее см. Ю. И. Семенов, Указ. раб.

⁴ E. Service, *Profiles in ethnology. A significant revision of a profile of primitive culture*, N. Y., 1963, p. 9—10, 39—40.